

Сердюк И.А. Социальная мобильность детей в городском населении Гетьманщины XVIII в. (на примере Стародуба) / Игорь Александрович Сердюк // Социальная мобильность в традиционных обществах: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 90-летию со дня рождения профессора М.М. Мартыновой и 100-летию со дня рождения профессора Б.Г. Плющевского. Ижевск, 20–21 ноября 2012 г. / отв. ред. В.В. Пузанов. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. – С. 220–229.*

В этой статье речь пойдёт об обществе Гетьманщины – автономного (до 1781 г.) региона в составе Российской империи, со специфическим укладом, правом, социальной структурой населения. Различные сословные группы (казачество, мещанство, купечество, посполитые, духовенство) не были строго замкнутыми и допускали значительную мобильность населения. Социальные лифты неплохо работали и внутри этих сословий, которые не были однородными, это явление (на примере казачества) детально исследовано в работе Виктора Горобця «Власть и социум Гетьманата»¹.

Важно отметить, что социальный статус человека того времени был не до конца формализован, он определялся не только пребыванием в определённом сословии, но и – материальным положением, родом занятий, родственными связями, должностью, происхождением, отношениями свой/чужой. Прекрасным примером мобильности в социуме Гетьманщины является ребёнок, который рождается в одном статусе, а по мере взросления получает другие. В силу различных особенностей аграрного традиционного общества, дети часто рано становились самостоятельными и сами добывали себе пропитание.

К примеру, в одном из судебных дел 1779 г. фигурирует сын казака Роман Краснощоченко. В четыре года он остался без отца, в пять лет мать

---

* Исследование осуществлено на основании материальной поддержки Международной ассоциации гуманитариев (МАГ) – краткосрочный грант на 2011-2012 гг.

оставила его в чужой семье, а сама пошла на заработки и умерла. Чтобы прокормиться парень с детства вынужден был зарабатывать на хлеб. Сначала, он три года пас свиней и телят там где его оставили, потом еще одиннадцать лет пас скот у разных хозяев, переходя с места на место. Формально Роман принадлежал к высшему в Гетьманщине сословию – казачеству, но реально, он был сиротой, которого всякий мог «обидеть». Также, становясь пастухом, он обретает новый статус, поскольку к пастухам в аграрном обществе было особое отношение. За утверждением Питера Берка, в Европе раннего нового времени вообще существовала отдельная субкультура пастухов, которая существенно отличалась от земледельческой и всячески подчёркивала это². Важной также является одна маленькая деталь – Краснощоченко сначала пас свиней, потом – телят, потом – большой скот. Это тоже можно рассматривать, как своеобразный карьерный рост внутри корпорации пастухов. Подобную иерархию (из своего детства) с юмором описал замечательный украинский писатель Остап Вишня: гуси – свиньи – телята – овцы – коровы – кони³.

Роман смог найти себе средства к существованию по хуторам. Его занятия были типичной возможностью для ребенка заработать пищу и одежду в сельской местности, вероятно, к другим видам труда, пригодных для детских рук, потенциальные работодатели привлекали своих собственных детей. Существенно больше вариаций для детского труда мог дать город, он же мог предложить и больше социальных ниш для ребёнка.

Социальный статус детей в городском населении Гетьманщины довольно неплохо зафиксирован в Генеральном описании 1765-1769 гг.⁴, причем, эта фиксация связана с пребыванием ребенка вне собственной семьи. Считаю, что этот аспект уместно рассмотреть на примере одного города, и попытаюсь это сделать по данным Генерального описания Стародуба 1766 г. в чистовике описания этого города зафиксировано 160 детей в возрасте 5-14 лет, которые находились в чужих семьях, что составляет 18, 3% от численности детей этого возраста в населении города⁵.

Число детей вне семьи росло с возрастом, их доля среди детей 5-7 лет не превышала 10%, а в возрасте 13-14 лет практически каждый второй городской ребенок жил вне собственной семьи. Большое количество детей, живущих и зарабатывающих самостоятельно, была, очевидно, присуща не только Стародубу, а населению раннемодерного города вообще. Русский историк Ольга Кошелева показала это на примере Петербурга времен Петра I, где 27% жителей в возрасте до 16 лет записаны как лица без семьи. Это были: сироты, незаконнорожденные, подкидыши, дети бедняков. Старшие из них работали, а малолетние брались в дома горожан как слуги⁶.

Таковыми слугами или работниками в Румянцевский описании Стародуба записано 48 детей (14 мальчиков и 34 девочки). Младшей из них была «служанка» Анна, которой на время переписи исполнилось 5 лет. Маловероятно, чтобы девочка могла выполнять серьезную работу, скорее всего она была взята на «вырост». В тогдашнем социуме даже использовался соответствующий термин - «выросток», которым обозначали приемных детей или слуг, выросшие в доме хозяина⁷. В частности, среди рабочих возного Ивана Сороки записана и 8-летняя Фотинии «взята с малолетства на пропитание»⁸. Однако такие случаи в Стародубе единичные, большинство наймитов были в возрасте 10-14 лет. Эти дети обозначены в источнике термином «работник ево» или «работница ево» вместе с указанием времени, на который они нанимаются⁹.

Ни форма записи, ни его содержание не отличаются от того, как записывали взрослых рабочих. Основное отличие заключалось в оплате труда, ведь больше половины детей ее вообще не получали, а работали только за еду и одежду. Претендовать на плату могли дети 10-14 лет, они получали 1-1,5 рубля в год (взрослые батраки - 3-4,5 руб.): «Работница родимка стародубовская мещанского звания Устинья нанимается в год за 1 р 20 к на одежде и харчах хозяйских¹⁰». Наибольшую плату среди девушек (2,5 руб.) Получала 12-летняя Феодосия «евреева дочь»¹¹, а среди юношей -

14-летний *«работник слободы Климов житель Тимофей Петров нанимается в год по четыре рубля на одежде и харчах хозяйских»*¹².

Тимофей был русским старовером-раскольником, таких как он детей-батраков в переписи города зафиксировано еще пять. Характерно, что все они были парнями и имели сравнительно высокий заработок, чем их другие сверстники традиционного исповедания, при этом нанимаясь исключительно к своим единоверцам¹³. Ни одного из них не было среди детей, которые официально не считались чьим-то рабочими, и жили во дворах своих хозяев *«без найма за пропитание»*. Таких записано 34, из них - 17 юношей и 17 девушек. Они были разного возраста, принадлежали к разным сословиям, могли быть как уроженцами Стародуба, так и других местностей. Например, пятилетняя Доминика *«Карпова дочь ... родимица Стародубовская звания мещанского»*, или же в мещанина Степана Медведя *«на пропитание Демьян Максимов сын»* двенадцати лет. В отдельных случаях источник сообщает, что ребенка взяли в семью как воспитанника: *«взята на воспитание»* или *«взята с малолетства на пропитание»*¹⁴.

Можно только догадываться для чего эти дети брались в такие семьи: как дешевая рабочая сила или как воспитанники с последующим усыновлением (удочерением). Относительно последнего в описании есть лишь одна такая указание: *«взятая вместо дочери девка Мария»*. Мария была единственным ребенком в семье 35-летнего мещанина Ивана Цирюльника и его 30-летней жены. Учитывая возраст супругов, можно предположить, что собственных детей они не имели (вероятно, из-за бесплодия одного из партнеров), а потому удочерили Марию. Ей на момент переписи было всего четыре года, следовательно, девочку взяли совсем маленькой, возможно, младенцем¹⁵.

Очевидно, что статус детей-работников был различным. Раскольники, нанимались к своим единоверцам, и по мнению современных исследователей, могли находиться на правах младшего члена семьи¹⁶. Другим детям, вероятно, везло меньше: в 1770 г. в Лубенском остроге был заключен Иван Ковенко, который забил *«находящегося у него в услугах»*

парня Алексея Архипенко. На допросе Ковенко признался, что парень провинился, потому что не убрал соломы на току и не убрал навоза возле дома, за это хозяин *«единственно только три раза небольшою лыковой палочкой плечах ударил»*¹⁷.

Общеизвестно, что избиение палкой в то время было распространенным способом наказания. Иногда все заканчивалось трагически. В августе 1765 г. житель городка Глинска Лубенского полка Андрей Кухар, вернувшись домой навеселе, вступил в спор со своим малолетним рабочим Федором (ибо работник не вычистил коня), и убил его. На допросе Кухар говорил, что бил Федора по плечам, и только один раз попал по голове, от чего, мол, у того лопнула какая-то устаревшая болячка, что и повлекло смерть. Однако осмотр тела погибшего обнаружил не устаревшую болячку, а пролом черепа. Как выяснилось, Кухар воспитывал рабочего вилами¹⁸. Эти два случая (и много им подобных в документации того времени) можно считать показательными в отношении социального статуса работников – для хозяина не было важно, кто к нему нанялся – казак или посполитый. У него работал ребёнок или подросток, априори человек более низкого плана, нежели взрослый.

Часть детей, 10 мальчиков и 12 девочек, жили в семьях родственников (братьев, сестер, теток и т.д.). Привлекает внимание случай, когда в одном дворе жили 6 братьев. Старший – 30-летний Иосиф, вместе с женой и детьми, проживал в одном доме, а в другой - его 5 братьев, трем из которых было 7, 11 и 13 лет¹⁹. С 80-летней мещанством вдовой Мотроной жили *«внуки ее»*: ребята в возрасте 6, 9, 13 лет и 10-летняя девушка²⁰. Источник может давать косвенную информацию о судьбе матери таких детей: *«сестры его умершой дети»*²¹. По словам Ольги Кошелева, дети (как, кстати, и пожилые люди), не имевшие семьи, находившихся под опекой общины или дальних родственников²². Вероятно, при этом каждая из сторон что-то получала: дети - приют и опеку, а родственники, кроме выполнения семейного долга, - дополнительные рабочие руки. В этом контексте показательна указание

относительно девушки Агафьи, которая проживала в семье своего родного брата *«без заплаты, на харчах и одежде хозяйских»*²³.

Дети, которые жили с родственниками, сиротами не записаны. Такими в населении города обозначены лишь семеро детей, а к пяти применена формула *«родства непомнящий»*²⁴. Большинство из них было батраками, работали за еду и одежду, как, например, 12-летние Дмитрий *«осиротелой»* и Анна *«за сиротства родства своего не помнящая»*, которые были выходцами из полковых сел²⁵. Эти сироты, очевидно, пришли в город, чтобы прокормиться, а потому батрачества было для них практически единственным выходом.

Двое сирот пополнили социальную группу стародубских школьников. Они нашли приют в школе при церкви Святителя Николая. В источнике записаны лишь их имена и возраст (8 и 14 лет), однако, вероятно, они считались «нищими», которые тогда встречались практически при каждой школе²⁶. Эту мысль подтверждает и указание на источник доходов жителей этой школы: диакон и псаломщики *«пропитание имеют с доходов церковных»*, а остальные (т.е. сироты) - с *«испрошения милостыни»*²⁷. Всего, вместе с двумя сиротами, в школах Стародуба записаны 9 детей: это ребята в возрасте 8-14 лет, восемь из которых жили из сбора милостыни, и 13-летний Павел – сын священника одного из сел Стародубского полка учился грамоте вместе со своим 16-летним братом²⁸. Возможно, отец-священник направил их учиться, выполняя требование церковных властей²⁹. Как видим, социальный статус этих детей определялся их пребыванием в школах, а также спецификой зарабатывания на жизнь – прощением милостыни.

Известная история судьбы школьника изложена в автобиографии Ильи Турчиновского. Он был сыном березанского сотника, то есть – представителем богатой и влиятельной семьи. При березанской церкви выучил грамматику, когда его отец отправился на войну, Илья ведал значительным домашним хозяйством, но с плохими успехами, так, как отец по возвращению его сильно побил за нерадивость. Поэтому в возрасте 15 лет

«оставля отца и матку» он пошел «по школамъ волочитись», где выучился церковному пению. Илья волочился по школам без денег и постоянных занятий, просил милостыню, за короткое время был дворовым писарем, учил детей грамоте, был помощником игумена монастыря, певчим, регентом церковного хора. В возрасте 23-х лет он вернулся домой, женился, а отец купил ему должность местного священника³⁰. Пример Ильи показывает, каким временным был статус «школьника» и «нищего» в отношении подростка. Он всё мог поменять в своей жизни, в отличие от классических нищих – жителей богадельни.

Перепись Стародуба фиксирует еще одну категорию детей, которые находились вне собственной семьи, – учеников ремесленников. В описании города их насчитывается 50 человек (все мальчики). Самому младшему из них - Михаилу Федорову исполнилось 6 лет, он вместе со своим 12-летним братом Иваном пришел из села учиться ткацком ремеслу³¹. Однако по данным источника, такие малолетние ученики, как Михаил, случались крайне редко. В описании найден только трех учеников младше 10 лет. Большинство из них (82%) были в возрасте 12-14 лет.

Чтобы учиться ремеслу, дети могли приходиться не только из окрестных сел, но и из других городов. Мещанский сын Иван Руденков пришел учиться золотарского ремесла к стародубскому казаку Михаилу Злотнику из городка Погара. По тогдашней традиции Иван не только учился ремеслу, но и работал на полях своего мастера. По утверждению современного этнолога Василия Балущка, ученики в раннемодерной Украины использовались своими мастерами для выполнения различных хозяйственных работ – от ремесла к сельскому хозяйству³². Работая, они отрабатывали мастеру науки и содержания: *«находятся на пропитании и одежде хозяйских беззаплатно»*³³. Например, 13-летний Гаврила был учеником священника Самсониевской церкви Антония, и уже на следующем листе описи парень записан рабочим, *«который живёт в оного священника беззаплатно для обучения себя мастерства кравецкого которым оной священник балуется»*. Кроме

ремесла, священник «баловался» еще и земледелием, поэтому, вероятно, Гавриил тоже работал на его земле³⁴.

Ученики становились незаменимыми помощниками тех ремесленников, которые имели проблемы со здоровьем. Так, Стародубский мещанин Иван Кантипалов занимался «шклярским» (стекольным) ремеслом, однако, несмотря на свой относительно молодой возраст (30 лет), на левой руке у него свело пальцы³⁵. Сына Ивана не было, поэтому он мог надеяться только на помощь своего десятилетнего ученика³⁶. Следует отметить, что ученичество привязывало детей к хозяевам на более длительный срок, чем найм. Например, срок обучения у портного мог составлять пять лет³⁷, тогда как нанимались в основном на полгода – год.

Затронутая проблема дает основания говорить о значительной мобильности детей, особенно старшего возраста: среди стародубских подростков, которые жили вне собственной семьи, около половины были выходцами из сел полка, остальные - местными жителями. Последние могли иметь в городе родителей, но жить врозь и наниматься к разным людям. 12-летний Самуил Федоров жил *«с пропитания»* без родителей, потому что *«отец его своего двора не имеет, а живет нанимается в разного звания людей»*³⁸. 40-летняя вдова Татьяна жила вместе с матерью и братом, а ее два сына были учениками в разных стародубских ремесленников³⁹.

Дети, которые жили в чужих семьях, вероятно, могли выполнять не только экономические функции. По мнению английских историков Хелен Берри (Helen Berry) и Элизабет Фоистер (Elizabeth Foister), в раннемодерном обществе молодежи слуги и подмастерья играли важную роль в жизни бездетных мужчин. Дети были доказательством мужской способности к репродукции и делали возможным выполнение социальной роли патриарха, свойственной мужчинам этого периода. Избежать насмешек (и выполнить эту роль) можно было в качестве крестных родителей, опекунов, хозяев, мастеров и др.⁴⁰

По данным Генерального описания Стародуба, большинство семей, в которых жили чужие дети, имели собственных, однако было 13 семей, где собственных детей не записано. Среди них и семья Ивана Цирюльника, которому на время переписи исполнилось 35 лет. Кроме него, в описании встречаются бездетные лица значительно старшего возраста, у которых были еще меньшие шансы на рождение собственного ребенка. Как пример, можно привести 45-летнего мещанина Ивана Цыбулина его 40-летнюю жену Агафью, с которыми жили двое ребят-учеников⁴¹.

Хелен Берри и Элизабет Фоистер, вспоминая о необходимости родительской роли для бездетных, отмечали ее важность для мужчин, которые тогда зачастую были признаны основными виновниками отсутствия детей⁴². Генеральное описание не дает непосредственных сведений о разведенных мужчинах, однако учитывая значительную численность населения города можем предположить, что они были. В переписи Стародуба фигурирует 35-летний мещанин Лаврин Чернявский. С ним не записано жены и детей, но и отсутствует указание «холост», которая применялась для холостых мужчин. Лаврентий был коренным жителем города, а не работник, имел собственный двор и ремесло, поэтому его жена должна была проживать вместе с ним. Возможно, Чернявский был разведен или его жена сбежала, однако это лишь предположение, с уверенностью можно констатировать лишь то, что с Лаврином жили не его жена и родные дети, а 14-летний племянник Герасим⁴³.

Как вывод, необходимо отметить огромную социальную мобильность детей в обществе (особенно – городском) Гетьманщины. Они, в силу действия жизненных обстоятельств, могли занимать различные ниши и исполнять различные роли: батраков, учеников, нищих, взятых на «пропитание» и т.д. Важной особенностью была непостоянность статуса ребенка, который менялся по мере взросления. Причем в реальной жизни об больше зависел не от происхождения и сословия, а от принадлежности к определенной социальной группе и положения в ней. К примеру, статус

детей-батраков зависел от пола, вероисповедания, условий найма, наличия покровителей (родственников). Двери социальных лифтов открывались даже тем детям, которые числились нищими, школьниками и влачили довольно жалкое существование, так как на их стороне был молодой возраст и возраст.

---

¹ Горобець В. Влада та соціум Гетьманату. Дослідження з політичної і соціальної історії ранньомодерної України. – К., 2009.

² Берк П. Популярна культура в ранньомодерній Європі / пер. з англ. – К.: УЦКД, 2001. – С. 34–35.

³ Вишня О. Як ми колись учились: <http://www.ukrlit.vn.ua/lib/vishnya/ag304.html>).

⁴ Перепись населения и домохозяйств Гетьманщины, которая производилась в 1765-1769 гг. по указу императрицы Екатерины II. В ней указан также и социальный статус большинства населения. Более подробно см.: Сердюк И. Румянцевская опись 1765-1769 гг. как источник по демографической истории русского купечества в городах Малороссии // Историческая демография. Научный журнал. – Москва-Сыктывкар, 2009. - №2. – С. 19–21.

⁵ Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве (далее – ЦГИАУК). – Ф. 57. – Оп. 1. – Кн. 148а.

⁶ Кошелева О. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. – СПб.: ОГИ, 2004. – С. 174–175.

⁷ Левицкий О. Очерки народной жизни в Малороссии во второй половине XVII ст. // Киевская Старина. – 1901. – №2. – С. 183.

⁸ ЦГИАУК. – Ф. 57. – Оп. 1. – Кн. 148а. – Л. 309 об.

⁹ Там же. – Кн. 148а.

¹⁰ Там же. – Л. 297 об.

¹¹ Там же. – Л. 158 об.–159.

¹² Там же. – Л. 457 об.

¹³ Там же. – Л. 188 об., 457 об.

¹⁴ Там же. – Л. 89 об., 185 об., 277 об.

¹⁵ Там же. – Л. 28 об. Если мальчикам угрожали побои, то девочкам еще и изнасилования. Обстоятельства одного из них зафиксировало дело, которое рассматривалось Старосанжарської сотенної канцелярією в 1733 г. Свою малолетнюю служанку хозяин в амбаре *«страхом, битьем, ласкательство, обманом, дав копейку денег растлил»*.

Данный инцидент закончился мировым соглашением, по которому виновник заплатил 24 рубля. См.: Ділова і народно-розмовна мова XVIII ст. (Матеріали сотенних канцелярій і ратуш Лівобережної України). – К., 1976. – №94. – С. 260–262. В этом же сборнике представлены и другие примеры сожительства работницы и хозяина, причём в одном из случаев соблазнителем был священник. См.: Там же. – №105. – С. 300–301.

¹⁶ Волошин Ю. Государевы описные малороссийские раскольнические слободы (XVIII в.): историко-демографический аспект. – М.: «Архедоксия», 2009. – С. 72.

¹⁷ ЦГИАУК. – Ф. 101. – Оп. 2. – Д. 166. – Л. 2–3.

¹⁸ Там же. – Д. 49. – Л. 2–4.

¹⁹ Там же. – Ф. 57. – Оп. 1. – Кн. 148а. – Л. 254 об.

²⁰ Там же. – Л. 243 об.

²¹ Там же. – Л. 254 об.

²² Кошелева О. Ук. соч. – С. 174.

²³ ЦГИАУК. – Ф. 57. – Оп. 1. – Кн. 148а. – Л. 146 об.

²⁴ Там же. – Л. 153 об.

²⁵ Там же. – Л. 31 об., 316 об.

²⁶ Сироты, калеки и переростки вообще были обычными жителями школ. См.: Волошин Ю. Письменність серед мешканців Полтави другої половини XVIII століття (за матеріалами Румянцевського опису) // Київська Академія. Вип.5. К., 2008. С. 151–152. Левицький О. Ук. соч. – №12. – С. 441.

²⁷ ЦГИАУК. – Ф. 57. – Оп. 1. – Кн. 148а. – Л. 35 об.

²⁸ Там же.

²⁹ Указ об обязательном обучении детей священнослужителей в школах латинскому языку, 1723 г. // Киевская Старина. – 1902. – №9. – С. 111–112.

³⁰ Автобіографія Іллі Турчиновського – священника і намісника Березанського // Хрестоматія давньої української літератури (до кінця XVIII ст.). – К., 1967. – С. 552–557.

³¹ ЦДІАУК. Ф. 57. оп. 1, кн. 148а, арк. 586 зв.

³² Балушок В. Світ середньовіччя в обрядовості українських цехових ремісників. К., 1993. С. 19.

³³ ЦГИАУК. – Ф. 57. – Оп. 1. – Кн. 148а. – Л. 543 об.

³⁴ Там же. – Л. 132 об.–133.

³⁵ Возможно, это был паралич.

³⁶ Там же. – Л. 329 об.–330.

---

³⁷ Там же. – Л. 19 об. Подр. см.: Клименко П. Цехи на Україні. Т.І. Вип.І. Суспільно-правні елементи цехової організації. К., 1929.

³⁸ ЦГИАУК. – Ф. 57. – Оп. 1. – Кн. 148а. – Л. 318 об.

³⁹ Там же. – Л. 99 об.

⁴⁰ Berry Н., Foyster E. Childless men in early modern England // *The Family in Early Modern England*. Cambridge, 2007. – P. 182–183.

⁴¹ ЦГИАУК. – Ф. 57. – Оп. 1. – Кн. 148а. – Л. 59 об.

⁴² Berry Н., Foyster E. *Op. cit.* – P. 158–159.

⁴³ ЦГИАУК. – Ф. 57. – Оп. 1. – Кн. 148а. – Л. 590 об.